

РИЗОМОРФНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: СПЕЦИФИКА И ТЕХНОЛОГИИ

В.Б. Строганов^{1а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования. Сегодня взаимопроникновение интернета и политики напрямую влияет на трансформацию политического процесса, цифровизацию политического управления, изменение схем и моделей взаимодействия политических институтов и граждан. В результате мы сталкиваемся с проблемой изменения такой неоднозначной формы управления, как политическое манипулирование, которое приобретает характер ризомы: нарушаются векторные коммуникации, иерархия субъекта и объекта устраняется и манипулирование приобретает вирусный характер.

Целью данной работы является изучение изменения механизма, особенностей и технологии ризоморфного политического манипулирования.

Методологическая база данного исследования включает в себя системный анализ феномена ризоморфной политической манипуляции, а также анализ ее особенностей и технологий. Исследование проведено при помощи анализа работ отечественных и зарубежных исследователей феномена манипуляции в интернете, среди которых С. В. Володенков, В. Э. Багдасарян А. Ю. Бубнов, Н. Р. Краковская, А. Георгопулов, У. Рехсах.

Научная новизна данного исследования заключается в выделении феномена ризоморфной политической манипуляции, а также выделении ее технологий, которые наиболее полно проявляются в современной политической интернет-коммуникации.

Главным результатом данного исследования является выделение ключевых особенностей ризоморфной политической манипуляции, которые отличают ее от традиционной – векторной. Среди них: универсальность применения на различных интернет-платформах, активное использование конкретных интернет-ресурсов, слияние субъекта и объекта в «манипулируемого манипулятора», неосознаваемый субъектом характер манипулирования. Отдельную сложность представляет вычленение технологий ризоморфной политической манипуляции, ввиду самого ее характера осуществления. Однако, в ходе исследования литературы по схожей тематике, а также непосредственного наблюдения за политической коммуникацией рядовых интернет-пользователей, нами была выделена группа технологий, которые наиболее близко отвечают обозначенным выше критериям. К таким технологиям автором отнесены: «Sock puppet», «Окно Овертона», «Языковое манипулирование», «Twitter-революция», технология «общего вагона» (или технология Гранфаллуна), технология фактоидов, технология флешмобов.

Изучение особенностей и технологий ризоморфного политического манипулирования, позволило определить, что данный тип манипулирования становится все более распространенным, а ввиду сложностей с его обнаружением он представляется чрезвычайно перспективной формой манипуляции. Там образом, в рамках дальнейших исследований встает задача подробного изучения самого механизма данной формы манипуляции. В конечном итоге, поняв механизм, мы сумеем более подробно заняться разработкой методов и технологий противодействия ризоморфной политической манипуляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая манипуляция, ризома, ризоморфная политическая манипуляция, интернет-коммуникация, цифровизация политики.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Строганов В.Б. (2021). Ризоморфная политическая манипуляция в интернете: специфика и технологии // . № 5. С. 1–11.

¹AuthorID РИНЦ: 924620

Современный политический процесс на наших глазах тесно переплетается с процессом цифровизации. Огромное число его составляющих прочно обосновались в интернет-сфере: государственное управление (электронное правительство, наличие сайтов у всех ключевых государственных органов и др.), избирательные кампании (представленность кандидатов и партий в ключевых социальных сетях, активная политическая агитация в интернете), общественные инициативы (формирование социальных групп, сбор петиций, флешмобы и др.), прямая и косвенная политическая реклама, создание площадок для продвижения своего мнения и др.

Для осуществления различной политической деятельности в сети существует огромное количество инструментов для создания, трансляции и передачи информации между пользователями: социальные сети, мессенджеры, блоги, форумы и др. Их наличие обеспечивает фактически бесперебойный поток информации, который поступает как от институциональных структур, общественных движений, партий, так и от рядовых интернет-пользователей, блогеров и др. В результате мы сталкиваемся с трансформацией политического участия, которая принимает менее институционализированные формы, что открывает доступ для роста числа акторов политической интернет-коммуникации [1, с. 55].

Наличие огромного количества акторов приводит к тому, что создается огромное число точек и каналов коммуникации между этими акторами, по которым циркулирует разнообразная политическая информация. Следовательно, усложняется структура коммуникации, она становится менее подконтрольна и как результат – более хаотична. Таким образом, линейная форма коммуникации нарушается, а на смену ей приходит ризоморфная политическая коммуникация.

Под ризомой понимают разветвлённую корневую систему с множеством «узлов», которая отменяет жесткую иерархию отдельных элементов [2, с. 357]. Ризома предлагает принципиально нелинейный способ организации любой целостности [3]. Данное понятие используется в том значении, которое определено французскими философами-постмодерни-

стами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари: «Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни» [3]. Тем самым, лишаясь иерархии, приобретая нелинейный процесс коммуникации интернет-сфера становится более хаотичной, что открывает новые возможности для осуществления манипулирования политическим процессом в сети.

В результате целью работы является изучение феномена ризоморфной политической манипуляции, выделение ее ключевых особенностей, а также определение ее технологий.

Таким образом, мы выделяем феномен ризоморфной политической манипуляции (РПМ), под которой понимаем неосознаваемый личностью способ ее ориентации в политической среде посредством создания и распространения политического контента (в частности, политических мемов) в медиасфере, результатом реализации которого является формирование политических установок.

Сегодня мы наблюдаем смену векторной модели манипуляции («субъект–объект») на новую модель – ризоморфную, более адаптированную к современной интернет-коммуникации. Это порождает ряд исследовательских проблем, среди которых: определение ключевых особенностей РПМ, применяемые технологии, механизм осуществления и методы противодействия. Изучение данных аспектов нового вида политической манипуляции позволит более эффективно обнаруживать ее проявление в сети, а также разработать необходимую базу противодействия ей, как на психологическом, так и на техническом уровне.

Среди исследователей, которые занимаются изучением подобной проблематики мы можем выделить таких ученых, как С. В. Володенков, М. А. Сириля, Д. Г. Евстафьев, А. В. Громова. Среди зарубежных исследователей мы можем выделить В. Тейлора, С. Миуру, А. Бергстрема и др.

Ключевые характеристики применения ризоморфного политического манипулирования

1. РПМ является своеобразной формой участия в политической жизни государства, которая заключается в том, что деятельность

интернет-пользователей в сети не всегда носит осознаваемый и целенаправленный характер. Под неосознаваемым характером РПМ мы подразумеваем тот факт, что личность может не осознавать себя напрямую как субъекта или объекта манипуляции. Для личности РМП может быть представлена в виде рядового «репоста», создания мема, чтобы быть в тренде, участия во флешмобах для формирования чувства сопричастности и др. Другими словами, у пользователя нет цели манипулировать кем-либо, но участвуя в создании и распространении интернет-контента, он так или иначе может стать участником манипуляции.

2. РПМ тесно завязана на конкретных ресурсах, которые применяются для ее осуществления. Ресурсами выступают как сами интернет-пользователи и интернет-сообщества, являясь создателями и распространителями интернет-контента, так и сам интернет-контент (интернет-мемы, инфоблоки, аудио- и видеоматериалы и др.). С точки зрения ряда исследователей, интернет-контент может стать средством политической борьбы только при условии его первоначального интерпретирования конкретными акторами. В дальнейшем эта информация обобщается, т. е. подводится под общую типологию и закономерности, и уже в таком виде она будет встраиваться в исходную когнитивную матрицу того или иного интернет-сообщества [4, с. 11].

Важно отметить, что распространяемая путем ризоморфной манипуляции информация подвержена фактору искажения [5, с. 320]. Искажение информации в сети может проявляться в двух формах: прямой и косвенной. Прямое искажение связано с деятельностью конкретных акторов, которые напрямую заинтересованы в подаче недостоверной информации. Косвенное искажение в РПМ происходит в результате так называемого «глухого телефона», когда передаваемая информация видоизменяется, путём ее постоянного редактирования, смены ее формы и формата.

3. РПМ является универсальным способом управления и воздействия на политический процесс в медиасфере. Связано это с тем, что в социальных сетях, мессенджерах, блогах используется примерно одинакового типа контент, существуют свои языки интернет-

общения, а также применяются схожие технологии коммуникации. Все это обеспечивает огромные масштабы применения технологий ризоморфного политического манипулирования, которые могут распространяться по различным интернет-площадкам, с минимальной необходимостью адаптироваться к каждой из них. Осуществление этого возможно через технологию «ретвитов», которая позволяет передавать информацию напрямую с одной платформы на другие, тем самым обеспечивая «виральность» онлайн-контента [6, с. 915].

В результате мы наблюдаем отсутствие прямой связи между субъектом и объектом. Интернет-технологии позволяют информации переходить с платформы на платформу, с сайта на сайт, от пользователя. Обнаружить таким образом первоисточник информации (субъекта) становится фактически невозможным. Это говорит о том, что нет прямого направления манипуляции от субъекта к объекту.

4. В РПМ рядовой интернет-пользователь выступает в качестве «манипулируемого манипулятора». Суть данного явления заключается в том, что каждый обладатель доступа к интернету, может выступать как создатель, так и распространитель политического контента, который может содержать в себе манипулятивную информацию. Создавая и распространяя политический контент в той или иной форме, пользователь преследует конкретный мотив. Однако, важно заметить, что зачастую данный мотив не обладает целенаправленным манипулятивным характером. Та же самая ситуация и с распространением контента.

На наш взгляд в качестве причин создания и распространения контента могут выступать: формирование идентичности; чувство сопричастности, собственной значимости; следование модным трендам (показать, что я в теме); желание привлечь внимание; стремление поддержать коммуникацию с единомышленниками; социализация или удовлетворение социальных, или психологических потребностей [7, с. 455]. Таким образом, каждый пользователь может стать участником манипулятивного процесса, а РПМ сливает «субъекта» и «объекта» манипуляции в одно целое.

5. Ключевым средством РПМ, на наш взгляд, являются политические интернет-ме-

мы. Р. Докинз определял мем как единицу передачи культурного наследия [8, с. 295]. В политическом контексте мем можно трактовать как единицу передачи политической информации. Интернет-мемы как феномен первого десятилетия XXI века обладают огромным влиянием на общественное сознание. Сегодня они стали неотъемлемой частью жизни современного человека.

Среди характерных черт интернет-мемов особенно выделяются эмоциональная окрашенность, оторванность сообщения, содержащегося в меме, от контекста, в котором сообщение появилось, отсутствие конкретного автора, а также колоссальная реплицируемость. Именно мемы являются главными переносчиками информации по различным интернет-платформам, а учитывая их универсальный и даже интернациональный язык, они значительно упрощают восприятие политической информации интернет-пользователями. В свою очередь, упрощение является главным средством политического манипулирования человеком.

Выделенные особенности интернет-мемов связывают этот феномен с сущностью инструментов РПМ: с одной стороны, информация, заключенная в меме, зачастую обладает искаженным характером, с другой – автор скрыт от получателя. Более того, интернет-мем – это зачастую продукт коллективной деятельности интернет-сообщества, потому что в его создании может участвовать не один конкретный человек, а каждый получатель посредством внесения в сообщение собственного содержания и дальнейшего распространения интернет-мема уже в измененном виде.

Подводя итог особенностям РПМ важно отметить, что в условиях нелинейной, неиерархичной и хаотичной коммуникации определить путь распространения политического контента в любой его форме невероятно сложно не только потому, что в большинстве случаев неизвестен автор, но и потому, что отследить переход интернет-контента в оффлайн-среду невозможно.

Технологии политического манипулирования

Рассмотрев особенности РПМ, необходимо выделить основные технологии политического манипулирования, которые можно отнести

к ризоморфным. Важно отметить несколько моментов: 1) в научной литературе слабо отражены данные технологии; 2) они трудно обнаружимы при непосредственном поиске их применения; 3) в большинстве известных технологий политического манипулирования ризоморфность проявляется в большинстве из них лишь отчасти и только на отдельных этапах применения, что затрудняет выделение «чистых» технологий РПМ.

1. Технология *Sock puppet*.

Технология *Sock puppet* представляет собой программу, с помощью которой отдельный пользователь может создавать десятки фейковых аккаунтов в виртуальном пространстве и управлять ими [9, с. 157]. Другими словами, мы имеем дело с социальными ботами, под которыми понимают алгоритмизированные программы, автоматически создающие контент и взаимодействующие с другими пользователями социальных сетей, продвигая данный контент [10, с. 346].

Задачей данной технологии является привлечение внимания интернет-пользователей к конкретной актуальной проблеме путем искусственного изменения содержания актуальной повестки дня.

Это становится возможным несколькими способами: во-первых, провокацией «фейками» реальных пользователей к дискуссии или коммуникации путем многократного «вброса» информации по различным каналам коммуникации. Дальнейший ход развития событий находится во власти новых, реальных участников коммуникации; во-вторых, распространение инфоповодов с помощью системы «репостов», что повышает рейтинг инфоповода в сети и увеличивает охват аудитории – новых потенциальных «манипулируемых манипуляторов»; в-третьих, возможность проведения массивной информационной атаки, осуществляемой с фейковых аккаунтов, которая может осуществляться в форме мобилизаций конформистских или нон-конформистских настроений, заполнения интернет-пространства конкретными инфоповодами, призывом к осуществлению конкретных действия в онлайн- или офлайн-среде, чтобы заставить пользователей действовать в нужном направлении [11, с. 51].

При этом в данной технологии выявить манипуляцию и вычислить «фейка» становится фактически невозможным, т.к. современные технологии, позволяют создавать крайне правдоподобные виртуальные портреты. Ризоморфность данной технологии проявляется в хаотическом распространении информации, активном привлечении в ее участии других пользователей, которые играют роль «манипулируемого манипулятора».

2. Окно Овертона.

Данная технология была рассмотрена американским политологом Джозефом Овертоном. Согласно его гипотезе, в каждое общество существует «окно возможностей» (или «границы допустимого»). Функция данных рамок заключается в защите информационной среды от деструктивных для общества идей, однако эти же самые рамки являются достаточно подвижными, и их расширение возможно при грамотно спланированной и осуществленной манипуляции [12, с. 86].

Реализация технологии «Окно Овертона» осуществляется в ходе пяти фаз.

Первая фаза. Перевод информации из категории «немыслимого» в «радикальное» (или экзотическое) на уровне отдельных групп академического сообщества [12, с. 87].

Вторая фаза. Перевод информации из категории «радикального» в «приемлемое» всё также на уровне академического сообщества, т.е. в закрытых кругах.

Третья фаза. Перевод информации из «приемлемого» в «рациональное»: появление информации в общедоступных источниках, и активизация обсуждений и исследований данной тематики в широких слоях научного сообщества [13].

Четвертая фаза. Перевод информации из категории «рациональное» в «популярное»: выход информации за пределы научного сообщества – в социум, где она начинает активно циркулировать и набирать поддержку обывателей [13].

Пятая фаза. Перевод информации из «популярного» в «актуальное»: нормативное закрепление информации в обществе [14, с. 86].

Реализация технологии «Окно Овертона» является достаточно трудоемкой, но очень эффективной: ее практически невозможно рас-

познать без специальной подготовки, что и позволяет нам отнести ее к типу ризоморфных политических манипуляций. К тому же, о её ризоморфности свидетельствует вирусный характер распространения информации на 3–5 этапе реализации данной технологии.

3. Языковое манипулирование.

Языковое манипулирование – это воздействие на сознание при помощи специально подобранных языковых средств [15, с. 173].

Одним из основных инструментов осуществления данной технологии выступает так называемый «новояз» – особый язык интернет-сообществ, который сегодня является распространенным культурным феноменом. Возникновение «новояза» связывают со стремлением молодежи быть более эмоциональной и оригинальной в способах выражения своих эмоций и чувств в сети [16, с. 111]. Поэтому неудивительно, что цель использования новояза – обмен эмоциями, а не информацией. Нельзя не отметить, что за счет этой особенности данного феномена новояз часто используется в качестве консолидирующего средства в сетевом сообществе. Но в то же время, существенно страдает содержательная сторона информационных потоков, облеченных в «новоязную» форму. Кроме того, новояз часто используется при проявлении агрессии в интернете [17, с. 11].

Одной из самых популярных форм «новояза» является мем, о котором мы достаточно много писали выше. Здесь отметим лишь, что «новояз» в мемовой форме значительно упрощает, даже в некоторой степени примитивизирует содержание политической коммуникации. С одной стороны, это открывает доступ к политической коммуникации в интернете широким слоям населения. С другой стороны, что более важно, коммуникация подобного типа ориентирована на эмоциональное восприятие контента: в каждом политическом интернет-меме содержится оценка того или иного элемента политического процесса (деятели, группы, события, идеи и т.д.). Эмоциональная оценка может блокировать работу политического мышления личности и направить его по пути стереотипов, клише, ярлыков и предрассудков – таким мышлением очень легко управлять. В этом и заключается ма-

нипулятивный эффект «новояза». Ризоморфность данной технологии проявляется в активном использовании политических интернет-мемов, которые можно считать особой и интернациональной формой новояза.

4. Twitter-революция.

Сущность данной технологии заключается во всплеске политической активности интернет-пользователей в социальных сетях, особенно в *Twitter* и *Facebook*, в период политической или социально-экономической нестабильности в государстве. Политическая активность в данном контексте представляет собой активное и экспрессивное обсуждение острых проблем в виртуальном пространстве, которое в дальнейшем может привести к митингам, демонстрациям и беспорядкам в реальности [9, с. 108]. Благодаря инструментальным возможностям социальных сетей пользователи могут эффективно координировать свои действия и оперативно реагировать на политические события, а также вовлекать других пользователей в свою деятельность, вызывая у них чувство сопричастности с помощью медиаконтента. Ризоморфность данной технологии проявляется в характере расширения обсуждения в сети и в стремительном захвате аудитории, которая осуществляется рядовыми пользователями, не имеющими цели манипулировать, но желающими отстоять свою политическую позицию и собрать команду неравнодушных единомышленников.

5. Технология «общего вагона», или технология гранфаллуна.

В основе технологии «общего вагона» лежит врожденная потребность человека быть частью общности, социальная природа человека. Целью реализации технологии является убеждение индивида в том, что, будучи частью группы (в частности, политического объединения), он должен разделять мировоззрение и паттерны поведения большинства [18, с. 212].

Другое название данной технологии политического манипулирования в интернете – «гранфаллун». Это понятие было введено Курт Воннегутом в романе «Колыбель для кошки» [19]. Суть феномена была раскрыта социальным психологом Генри Таджфелом: гранфаллун – это объединение людей, созданное на основе незначительных и зачастую бессмыслен-

ных критериев [20, с. 234]. Гранфаллун имеет когнитивное и мотивационное основание. На когнитивном уровне гранфаллун позволяет человеку за счет осознания своей сопричастности группе упорядочивать мир и определить свое место в нем.

На уровне мотивации ощущение сопричастности дает человеку возможность испытать чувство собственного достоинства и гордости через осуществление ритуалов группы и признание ее атрибутов [20, с. 235]. К тому же нельзя не отметить склонность людей ориентироваться на мнение коллектива, даже если оно расходится с собственным восприятием действительности. Это обусловлено тем, что зачастую коллективу люди доверяют больше, чем самим себе.

Следовательно, данная технология относится к ризоморфным по следующим основаниям: во-первых, участие большого числа пользователей, к тому же как у субъектов, так и у объектов воздействия могут быть абсолютно неизвестны социально-политические идентификаторы; во-вторых, пользователи в таких «гранфаллунах» занимаются созданием и распространением информации; в-третьих, основанием для создания таких «гранфаллунов» могут служить особенности различных интернет-платформ, которые позволяют создавать группы и чаты по абсолютно любым тематикам и идентификационным особенностям, при этом сохраняя определенные взаимосвязи между самими платформами (например, использование видеороликов с сайта *YouTube* в социальной сети «ВКонтакте») [4, с. 15].

6. Технология фактоидов.

В работе Аронсона «Эпоха Пропаганды» понятие фактоид определяется как недостоверное утверждение, облеченное в правдивую форму [20, с. 120]. Зачастую фактоиды принимают в качестве истины, основываясь на том, что материал просто появился в СМИ. Кроме того, далеко не каждый пользователь имеет ресурсы для того, чтобы проверять всю поступающую информацию. Также следует отметить, что часто содержание фактоидов обладает психологической привлекательностью: обывателю хочется верить, что всё происходит именно так, поэтому он не желает подвергать материал сомнению. В этом смысле он

зачастую бессознательно используется людьми как инструмент рационализации действительности [20, с. 129]. Ризоморфность фактоидов проявляется в том, что они часто попадают в виртуальное политическое информационное поле в форме мемов, активно распространяются между огромным числом сайтов и платформ, а также в том, что в их создании и распространении активно участвуют рядовые интернет-пользователи.

7. Технология флешмобов.

Флешмоб – это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей выполняет заранее оговоренные действия в виртуальном или реальном пространстве. Следует отметить, что для участия во флешмобах в виртуальном пространстве, в частности, политическом, у пользователя нет необходимости тратить большое количество ресурсов (сил, времени, денег): чаще всего достаточно совершить какое-то элементарное действие (использовать хештег, разместить на своей страничке в социальных сетях мем или текст, и т. д.) [21, с. 74].

Часто участие интернет-пользователей в политических флешмобах в сети не имеет глубоких оснований, оно лишь косвенно связано с политической позицией личности. Скорее, причиной является желание людей быть сопричастными к значимым политическим событиям. В связи с этим мы можем говорить о том, что участник виртуального флешмоба выступает в качестве «манипулируемого манипулятора» – неосознанного субъекта политической манипуляции в интернете, благодаря активности которого, пусть и минимальной, манипулятивный контент распространяется по сети и захватывает внимание все большего количества интернет-пользователей. Именно это свойство флешмобов делает данную технологию манипуляции ризоморфной.

Таким образом, флешмоб позволяет за короткое время собрать людей в определенном месте и в назначенное время для выполнения каких-либо запланированных действий. Ярким примером может служить акция, проведенная в соцсетях летом 2020 г. под хештегом #накормиголубей в поддержку арестованного губернатора Хабаровского края Сергея Фургала. Суть этой акции заключалась в

том, что люди должны были выйти на площадь Ленина в г. Хабаровске и под видом кормления голубей собрать акцию в поддержку С. Фургала [1, с. 62]. Данная акция была организована местным журналистом А. Романовым, его идею подхватило огромное число жителей города, тем самым рядовые пользователи создавали информационный прецедент, распространяя призыв в социальных сетях на всех ключевых площадках. Этот пример указывает на такие свойства РПМ, как хаотичный характер распространения информации, участие рядовых интернет-пользователей в качестве «манипулируемого манипулятора», применение специальных интернет-ресурсов – хештегов.

Как видно из представленных выше описаний технологий политической манипуляции в интернете, ризоморфность проявляется в большинстве из них лишь отчасти, на отдельных этапах. Раскрыв эту особенность на примере выбранных нами технологий, мы хотели показать, как коммуникативные особенности информационной среды могут быть использованы заинтересованными лицами для достижения собственной выгоды.

Как видно, ризоморфное политическое манипулирование гораздо сложнее вычислить, т. к. его механизмы более продуманы и незаметны для обывателя.

Заключение

Наше основное убеждение состоит в том, что данный феномен сформировался в политической виртуальности спонтанно и автономно, без вмешательства конкретных заинтересованных лиц, которых в теориях векторного политического манипулирования принято называть «субъектами манипуляции». Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что некоторые политические лица или группы могут использовать инструментарий ризоморфного политического манипулирования в своих целях. Однако важно заметить, что ключевым условием успешности РПМ является сохранение технологической доступности базовых каналов коммуникаций [22, с. 49]. Нарушение существующих каналов коммуникации в сети может привести к падению эффективности РПМ, однако учитывая, что мы живем в эпоху «постоянного онлайн», данная проблема

остаётся крайне актуальной и требует более тщательного рассмотрения.

Перспективы изучения РПМ можно определить по двум направлениям.

1. Попытайтесь изучить, как происходит акт ризоморфной политической манипуляции в интернете в чистом виде: когда нет субъекта и объекта, когда нет целей и чьей-то выгоды, а есть лишь коммуникативный акт, результатом которого становится хаотичное и высокоскоростное распространение манипулятивного контента.

2. Необходимо отдельно изучить методы обнаружения и противодействия РПМ в сети. Мы уже отмечали, что технологии РПМ выделяются сложностью обнаружения, следовательно, рядовому интернет-пользователю важно не только распознавать манипуляцию, видеть ее основные признаки, цели и задачи [23, с. 552], но и не стать ее непосредственным участником, превращаясь в манипулируемого

манипулятора. Ведь как мы можем наблюдать, в сети у большинства людей нет осознания ответственности за распространение изображений и видео.

В результате это приводит нас к необходимости либо правовой защиты информации, либо воспитания информационной культуры, которое заключается в том, что любые распространяемые слова и изображения должны соотноситься с ответственностью за то содержание, которое интернет-пользователи распространяют [24, с. 96]. Главная проблема в ее достижении – это возможность сохранения анонимности пользователей в сети [22, с. 913], что усложняет обнаружение РПМ. К тому же проблемы конфиденциальности и нежелания соблюдать правила раскрытия информации в интернете могут иметь социальные последствия [25, с. 498], проявляющиеся в разрушении политического участия и «культурного гражданства» в сети [26, с. 69].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бубнов А.Ю., Козлов С.Е. (2021). Политический активизм в социальных сетях (на примерах Москвы, Екатеринбурга и Шиеса) // Журнал политических исследований. Т. 5. № 1. С. 54–64.

2. Современная западная философия. Словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Тон Остожье, 1998. 544 с.

3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: глава первая. Альманах «восток». URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 15.10.2021).

4. Багдасарян В.Э. (2020). Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 1. С. 8–23.

5. Miura Shintaro. (2019). Manipulated news model: Electoral competition and mass media, *Games and Economic Behavior*, vol. 113(C), pp. 306–338.

6. Reisach Ulrike (2021). The responsibility of social media in times of societal and political manipulation, *European Journal of Operational Research*, vol. 291, no. 3, pp. 906–917.

7. Taylor W., Johnson G., Ault M., Griffith J., Rozzell B., Connelly S., Jensen M., et al. (2015). Ideolog-

ical group persuasion: A within-person study of how violence, interactivity, and credibility features influence online persuasion, *Computers in Human Behavior*, vol. 51 (PA), pp. 448–460.

8. Докинз Р. (2017). Эгоистичный Ген. Москва: Издательство АСТ: corpus. 521 с.

9. Коровин В.М. (2014). Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер. 349 с.

10. Василькова В.В. Легостаева Н.И. (2020). Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (160). С. 329–356.

11. Громова А.В. (2008). Роль СМИ в осуществлении «цветных революций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. № 2. С. 46–56.

12. Баева Л.В., Алексеева И.Ю. (2014). E-homo sapiens: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 1. С. 86–96.

13. Nathan J. Russell. (2006) An introduction to the Overton Window of political possibilities. URL:

<https://www.mackinac.org/7504> (accessed 18.10.2021).

14. Володенков С.В. (2015). Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал обозреватель Observer. № 4. С. 83–93.

15. Сириваля М.А. (2015). Социально-оценочное манипулирование в политическом дискурсе // Философские науки. вопросы теории и практики. № 5-2. С. 172–176.

16. Канарская Л.Г. Щербинина Д.В. (2017). «Привет или превед»: размышление о языке будущего // Научная дискуссия современной молодёжи: актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей II международной научно-практической конференции: в 2 ч. Т. 1. С. 109–113.

17. Арпентьева М.Р. (2018). Эрративы «интернетояза» // Языки и литература в поликультурном пространстве. № 4. С. 5–14.

18. Володенков С.В. (2012). Управление современными политическими кампаниями М. : Издательство Московского Университета. 371 с.

19. Графалон – академик // Новейший философский словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/878554> (дата обращения: 07.10.2021).

20. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. (2003). Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб. : Прайм – Еврознак, 342 с.

21. Володенков С.В. (2018). Роль информаци-

онно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения российской академии наук. Т. 18. № 2. С. 69–86.

22. Евстафьев Д.Г. (2020). Новая социально-политическая протестность и технологии информационно-политических манипуляций // Вестник московского государственного областного университета. № 4. С. 46–65.

23. Мизурова К.А. (2020). Как не стать объектом манипуляции // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : Материалы III-й международной научной конференции : в 2 т. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. С. 550–554.

24. Красовская Н.Р., Гуляев А.А. (2020). Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. Т. 28. № 4. С. 93–98.

25. Bergström A. (2015). Online privacy concerns: A broad approach to understanding the concerns of different groups for different uses, *Computers in Human Behavior*, vol. 53, pp. 419–426.

26. Georgakopoulou A. (2015). Sharing as Rescripting: Place Manipulations on YouTube Between Narrative and Social Media Affordances, *Discourse, Context and Media*, vol. 9, pp. 64–72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Строганов Вадим Борисович – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); tarangarret@mail.ru.

RHIZOMORPHIC POLITICAL MANIPULATION ON THE INTERNET: SPECIFICS AND TECHNOLOGIES

V.B. Stroganov^{2a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Relevance of the study. Today, interpenetration of the Internet and politics directly affects the transformation of the political process, the digitalization of political governance and modification of the schemes and models of interaction between political institutions and citizens. As a result, we face the problem of changing such an ambiguous form of management as political manipulation, which acquires the features of a

²RSCI AuthorID: 924620

“rhizome”, i.e. vector communications are disrupted, the hierarchy of the subject and object is eliminated and manipulation becomes viral.

The purpose of this work is to study the change in the mechanism, features and technology of rhizomorphic political manipulation.

The methodological basis of this study includes a comprehensive analysis of the phenomenon of rhizomorphic political manipulation, as well as investigation of its features and technologies. The study is based on the analysis of the works of domestic and foreign researchers devoted to the phenomenon of manipulation on the Internet, including S.V. Volodenkov, V.E. Bagdasaryan A.Yu Bubnov, N.R. Krasovskaya, A. Georgakopoulou, U.Reisach.

The scientific novelty of this research lies in the description of the phenomenon of rhizomorphic political manipulation, as well as the identification of its technologies, which are most fully manifested in modern political Internet communication.

The main result of this study is identification of the key features of rhizomorphic political manipulation, which differ from the traditional one-vector manipulation. Among these features are the possibilities of use on various Internet platforms, extensive use of specific Internet resources, the merger of the subject and the object into a “manipulated manipulator”, and the specific nature of manipulation which is not perceived by the subject. It is especially difficult to isolate rhizomorphic political manipulation technologies due to the nature of its implementation. However, during the study of literature on similar topics and direct observation of the political Internet communication of ordinary Internet users, we identified a group of technologies that most closely meet the above criteria. They include such technologies as: “Sock puppet”, “Overton Window”, “Language manipulation”, “Twitter revolution”, “common car technology” (or Granfalloon technology), Factoid technology and flash mob technology.

The analysis of the features and technologies of rhizomorphic political manipulation allowed us to determine that this type of manipulation is becoming more common. Due to its discreetness it becomes an extremely promising form of manipulation. Thus, as part of further research, it is important to study in detail the mechanism of this form of manipulation. Ultimately, by understanding the mechanism, we will be able to develop the methods and technologies to resist rhizomorphic political manipulation.

KEYWORDS: political communication, rhizome, rhizomorphic political manipulation, Internet communication, digitalization of politics.

FOR CITATION: Stroganov V.B. (2021). Rhizomorphic political manipulation on the Internet: specifics and technologies, , no. 5, pp. 1–11.

REFERENCES

1. Bubnov A.Yu., Kozlov S.E. (2021). Political activism in social networks (at the examples of Moscow, Ekaterinburg and Shies), *Journal of political research*, vol. 5, no. 1, pp. 54–64.
2. Modern Western philosophy. Dictionary. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Ton Ostozhie. 1998. 544 p.
3. Deleuze G., Guattari F. Thousand Plateau: Chapter First. Almanac “East”. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (accessed 15.10.2021).
4. Bagdasaryan V.E. (2020). Cognitive matrices of manipulative technologies in wars and revolutions of a new type, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*, no. 1, pp. 8–23.
5. Miura Shintaro. (2019). Manipulated news model: Electoral competition and mass media, *Games and Economic Behavior*, vol. 113(C), pp. 306–338.
6. Reisach Ulrike (2021). The responsibility of social media in times of societal and political manipulation, *European Journal of Operational Research*, vol. 291, no. 3, pp. 906–917.
7. Taylor W., Johnson G., Ault M., Griffith J., Rozzell B., Connelly S., Jensen M., et al. (2015). Ideological group persuasion: A within-person study of how violence, interactivity, and credibility features influence online persuasion, *Computers in Human Behavior*, vol. 51 (PA), pp. 448–460.
8. Dawkins R. (2017). Egoistical gene. Moscow: AST: Corpus Publishing House. 521 p.

9. Korovin V.M. (2014). Third world network war. St. Petersburg: Peter. 349 p.

10. Vasilkova V.V. Legostayev N.I. (2020). Social bots in computer propaganda: surfing on the coronavirus information wave, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 6 (160), pp. 329–356.

11. Gromova A.V. (2008). The role of the media in the implementation of “color revolutions”, *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Literary criticism, journalism*, no. 2, pp. 46–56.

12. Baeva L.V., Alekseeva I.Yu. (2014). E-homo sapiens: virtual microcosm and global habitat, *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*, no. 1, pp. 86–96.

13. Nathan J. Russell. (2006) An introduction to the Overton Window of political possibilities. URL: <https://www.mackinac.org/7504> (accessed 18.10.2021).

14. Volodenkov S.V. (2015). Overtone window – a manipulative matrix of political management, *Scientific and analytical journal “Observer”*, no. 4, pp. 83–93.

15. Sirivlya M.A. (2015). Socio-estimated manipulation in political discourse, *Philosophical Sciences. Theory and practice issues*, no. 5-2, pp. 172–176.

16. Kanarskaya L.G. Shcherbinina D.V. (2017). “Privet” or “Preved”: Reflection on the language of the future. In: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference “Scientific discussion of modern youth: topical issues, achievements and innovations”. In 2 vols. Vol. 1. Pp. 109–113.

17. Arpentieva M.R. (2018). Cacographs of the Internet language, *Languages and literature in the policultural space*, no. 4, pp. 5–14.

18. Volodenkov S.V. (2012). Management of mod-

ern political campaigns M. : Publishing House of Moscow University. 371 p.

19. Grafalon – Academician. The newest philosophical dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/878554> (accessed 07.10.2021).

20. Aronson E., Pratkanis E.R. (2003). The era of propaganda: conviction mechanisms, daily use and abuse. St. Petersburg: Prime – Evroznak. 342 p.

21. Volodenkov S.V. (2018). The role of information and communication technologies in modern politics, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 18, no. 2, pp. 69–86.

22. Evstafyev D.G. (2020). New socio-political protest and technology of information and political manipulations, *Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 4, pp. 46–65.

23. Mizurova K.A. (2020). How not to become an object of manipulation. In: Proceedings of the III International Scientific Conference “Humanitarian sciences in the modern university: yesterday, today, tomorrow”. In 2 vols. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design. Pp. 550–554.

24. Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. (2020). Consciousness manipulation technologies using deep-fakes as a tool of information warfare in the political sphere, *Power*, vol. 28, no. 4, pp. 93–98.

25. Bergström A. (2015). Online privacy concerns: A broad approach to understanding the concerns of different groups for different uses, *Computers in Human Behavior*, vol. 53, pp. 419–426.

26. Georgakopoulou A. (2015). Sharing as Rescripting: Place Manipulations on YouTube Between Narrative and Social Media Affordances, *Discourse, Context and Media*, vol. 9, pp. 64–72.

AUTHORS' INFORMATION:

Vadim B. Stroganov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); tarangarret@mail.ru.